

ПРЕДИСЛОВИЕ ПЕРЕВОДЧИКА К НЕМЕЦКОМУ ИЗДАНИЮ 1948 г.

Эта книга, впервые публикуемая в немецком переводе, и по содержанию, и по своей особенной судьбе — одна из удивительнейших и редчайших в мировой литературе. Она анонимно появилась в Брюсселе в 1864 г. в издательстве «А. Мертан и сыновья» под названием «Беседы в преисподней между Макиавелли и Монтескье, или политика Макиавелли в XIX веке в изложении современника». Вторично она была напечатана в Брюсселе в 1868 г. без указания издательства или типографии, но с пометкой «новое издание». В этом издании под словами «в изложении современника» в скобках указано имя автора (Морис Жоли). Во Франции это весьма распространенная фамилия, и начиная со средневековья мы обнаружим в энциклопедиях множество Жоли (или Жолли), принесших славу этому имени. Большая энциклопедия сообщает о Морисе Жоли следующее: «Жоли (Морис), французский писатель, родился в 1821 г. в Лон-ле-Сомье, скончался в Париже 16 июля 1878 г., адвокат Парижской коллегии адвокатов, секретарь принцессы Матильды (одной из кузин Наполеона III, дочери Жерома Бонапарта, некогда короля Вестфалии, и его супруги Катарины фон Вюртемберг), автор одного из самых злых памфлетов против Империи: “Беседы в преисподней между Макиавелли и Монтескье” (Брюссель, 1864), который навлек на него, несмотря на широкую известность, пятнадцатимесячное тюремное заключение и штраф в 200 франков. К концу Империи Жоли становится одним из самых ярких и популярных ораторов на всевозможных собраниях, и после 4 сентября (1871) пытается получить пост в новом правительстве. Это ему не удается. Он становится сотрудником “Либерте” и различных других газет, в которых публикует статьи против левых республиканцев. В конце концов кончает самоубийством».

Совершенно очевидно, что автору этой статьи книга Жоли неизвестна. В противном случае он никак не мог бы назвать

ее памфлетом: упрек такого рода Жоли категорически отвергает в предисловии. Тот, кто прочтет эту книгу, убедится сам, что это вообще не полемическое сочинение, не злободневная, ставящая перед собой определенные задачи книга, но значительное философское произведение, основательное и элегантно, написанное с глубоким знанием дела и поистине необъятной широтой охвата, превосходящее многие великие книги, в художественной форме повествующие о философских и мировоззренческих проблемах.

Тем не менее, несмотря на два издания, книга вскоре была настолько забыта, что даже серьезный ученый Рудольф Хирцель не упоминает этот диалог в своем большом двухтомном труде о диалогах и их истории от античности до наших дней, вышедшем в 1895 г. В этом исследовании тщательно собраны все произведения в жанре диалога, но Жоли там нет, хотя в последней главе Хирцель пишет о том, что в современную литературу вновь входит жанр бесед в загробном мире. Вместо того, чтобы в качестве художественного произведения оказывать на умы то воздействие, которого от нее ожидал автор, книга использовалась в совершенно иных целях, для которых как раз потому и подходила, что никто о ней не помнил.

Неизвестные авторы знаменитых «Протоколов Сионских мудрецов» позаимствовали из этой книги столько цитат из речей Макиавелли, что они занимают в общей сложности около пятидесяти печатных страниц; они вставили их в служащий их собственным целям текст, в котором эти слова приобретают иной смысл. Из высказываний осовремененного Макиавелли, образа значительного и искусно созданного Морисом Жоли на основании глубокого изучения сочинений реального Макиавелли, сделаны стенограммы речей, которые якобы ведут на своих тайных заседаниях иудеи, стремящиеся поработить мир. Но даже в этом шутовском наряде, переведенные на русский, а с него на все языки мира, мысли, облеченные Жоли в выразительное слово, сохраняют свою восхитительную силу и уже почти двадцать лет воздействуют на умы, причем никто не подозревает об источнике, из которого позаимствованы самые захватывающие места сомнительных «Протоколов», о том мастерском воплощении политической теории и ее практического применения, о котором сам автор писал: «Небо вмешается в один прекрасный день в игру, которая ведется против него».

В августе 1921 г. в лондонской «Таймс» появилась серия из трех статей, которые затем поступили в продажу в виде самостоятельного сочинения под названием «Правда о Про-

токолах: литературная подделка». Их автором был корреспондент «Таймс» в Константинополе, которому попала в руки французская книга, принадлежавшая прежде офицеру русской тайной политической полиции — охранки. Она была зачитана и затрепана. Титульный лист отсутствовал. Основываясь на дате введения (Женева, 15 октября 1864 г.), он назвал книгу «Женевские диалоги». В них обнаружилось так много совпадений с протоколами Сионских мудрецов, которые случайно были прочитаны им в английском переводе незадолго до этого, что он решил заняться этим делом вплотную. Очень скоро был установлен как автор диалогов, так и многочисленные буквальные заимствования из них в Протоколах.

С тех пор имя Мориса Жоли живет вновь, но только в литературе, возникшей в борьбе за и против этих якобы протоколов. Его сочинение хранилось в некоторых библиотеках и частных собраниях. Обладавшие им берегли его как зеницу ока. Широкой публике оно по-прежнему оставалось неизвестным.

Тем не менее для понимания истории европейской политики и судеб европейских держав оно могло иметь то же значение, что глава Достоевского о Великом инквизиторе для понимания истории христианства и церкви. Если величие Достоевского состоит в том, что он приводит к пониманию собственной правоты и оправданности своих намерений представителей обеих сторон — вновь пришедшего в мир Христа и Великого инквизитора, — то в этом Морис Жоли равен ему. Хотя его сердце и разум и привержены идеалам свободы и справедливости, за которые выступает его соотечественник Монтескье, он все же создает великолепную фигуру Макиавелли, защищающего и обосновывающего деспотизм в современной форме, с не меньшим увлечением и большим мастерством, придавая этой фигуре демоническую и мрачную величественность, в сравнении с которыми бледнеют человечность и либеральность Монтескье, тускнеет его идеал возвышенного образа мыслей, некогда сверкавший на европейском небосклоне, а ныне гибнущий в смертельной схватке, которую эта книга предсказала шестьдесят лет тому назад.

Чтобы охарактеризовать ту важную в политическом отношении эпоху, для которой предназначалась его книга и на которую она должна была влиять, Жоли предпосылает своему сочинению на титульном листе две следующие цитаты из трактата Монтескье «Дух законов»: «Вскоре мы заметим, как ужасно тихо стало вокруг, и в этой тишине все объединятся против власти, угнетающей право».

«Когда Сулла вознамерился вернуть римлянам свободу, они были не в состоянии выдержать ее». Это предисловие пишется в пору, когда господство Гитлера над Германией достигло апогея. Для этого ему понадобилось двадцать лет, с 1918 по 1938, и сбылись слова Макиавелли из этой книги: «Дайте мне не более чем двадцать лет, и я полностью изменю неукротимейший характер любой европейской нации и подчиню ее тирании, как какой-нибудь мелкий азиатский народец». Потом — по словам Монтескье — вокруг стало ужасающе тихо, и в этой тишине все объединились против власти, изнасиловавшей права всех и каждого. Началась война, и «небо вмешалось в игру, которая велась против него».

Тоталитарное государство, основанное на модернизированном макиавеллизме, потерпело полный крах, и вот мы стоим перед вопросом: возможно ли вновь оживить в этом мире и нас самих, прошедших через такое, дух Монтескье? Для этого необходимо постичь его, и его противников, а затем популяризировать добытые знания, и этой цели послужит книга, которую я предлагаю вниманию широкой публики в двухсотлетнюю годовщину появления «Духа законов» в 1748 г.

Иена, июнь 1948 г.

Ханс Ляйзеганг